

Россия - 2003 - 6 марта - с. 24-25

Дмитрий Астрахан

ПРОТИВ «ВРАГОВ НАРОДА»

Галина Смирнова

Имя Дмитрия Астрахана в России известно всем, кто любит кино. Много ли еще режиссеров, известных самому широкому кругу людей, вы знаете? Гайдай, Данелия, Рязанов, Михалков, Меньшов – гордость и слава советского кино... Посчитали? Хватило пяти пальцев одной руки.

Дмитрий Астрахан начал новый отсчет. Он обнаружил себя в бесславных для нашего кино 90-х и завоевал настоящую известность и народную любовь. Его фильмы «Все будет хорошо» и «Ты у меня одна» до последнего времени побивали рекорды по частоте показа на телевидении, обгоняя даже такие кинохиты, как «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука». Никто из современных так называемых молодых режиссеров не работает так продуктивно и энергично, как он. И потому мы нередко слышим о «феномене Астрахана». В ближайшие месяцы грянут премьеры его фильмов «Тартарен из Тараскона» и «Темная ночь» и сразу два антрепризных спектакля – «Все проходит» и «Семейная идиллия».

Его режиссерских работ в кино и в театре хватило бы на несколько биографий («на пять минимум» – соглашается Дмитрий Хананович), причем каждому из этих режиссеров было бы чем гордиться.

– Я вырос в большой семье, у меня было четыре брата, и нас всегда учили побеждать командой. Каждое утро наша мама готовила нам на завтрак разные каши. Так, наверное, мы учились понимать, что все люди разные, но ко всем нужно относиться с уважением.

И еще меня учили говорить, открыто и прямо обращаясь к тому, с кем ты разговариваешь. Если ты человека уважаешь, ты должен обращаться к нему членораздельно. Это особенно важно для того, кто занимается режиссурой. Я делаю зрительские фильмы, и мне всегда важно сделать такое кино, которое зритель поймет. Мне меняться не приходилось – и в 1981-м, и в 2001-м я говорил об одних и тех же вещах. И сетовать на перестройку тоже не пришлось. Я не перестраивался. Эта проблема была только у непрофессионалов, которые не поняли главного: наша профессия – говорить о вечных ценностях.

Я не понимаю тех, кто считает, что кинематограф бывает или искусством, или развлечением. То же говорят и о театре, и о литературе. Куда мы в таком случае отнесем Чаплина, Пушкина, Моцарта? Это суперпопулярные авторы во всем мире. Они творили не для избранных. И когда я слышу выражение «кино для избранных»... Кто эти избранные и кто их туда избрал? Авторское кино – это какое? Которое смотрят только его авторы?

Слово «воспитание» вообще занимает важное место в лексиконе Астрахана. Под этим словом он имеет в виду не то, что обучен хорошим манерам. Речь идет о воспитании личности и мировоззрения, о том, что сближает или отталкивает людей. Похожее воспитание (читай: взаимопонимание) и есть как раз то, что позволяет людям собираться в «свой круг», а отсутствие одного – напротив, сбиваться в стаи. Как выразилась одна маленькая девочка (она все силилась найти подходящее слово и никак не могла), Астрахан встретил человека из своей «делильности». Это был драматург Олег Данилов. Они нашли друг друга, и это было – к счастью.

– Я был руководителем свердловского ТЮЗа и должен был поставить спектакль по заказу Профтехобразования. Мне очень понравилась пьеса «Три пишем, два в уме». Я знал, что ее поставили уже в нескольких театрах страны и везде с ней были связаны конфликты – то заставляли ее переписывать, то снимали из репертуара... Шел восьмидесятый год. И пьеса была очень злободневной. Пэтушник сдает экзамен истории молодому учителю и, так как ничего не знает, получает два балла. Но, уходя, нагло говорит учителю, что тот все равно поставит ему «три», потому что он, ученик, и есть тот самый рабочий класс, руками которого и во имя которого делается все в великой советской стране. И весь педсовет во главе с директором заставляет учителя поставить ему «три», но учитель оказывается принципиальным человеком. Учителя травят, но в результате он побеждает...

Я начал работать над пьесой и встретился с ее автором. И выяснилось, что наши мамы – давние подруги,

Человек, выпрыгнувший из потока

вместе учились в университете. Оказалось, что мы очень близки. И воспитанием похожи.

Вот такая встреча. Как в кино. Как в кино, которое делают Дмитрий Астрахан и Олег Данилов. С тех пор они работают только вместе. Сгущение эмоций и заострение углов можно назвать их фирменным приемом. «Ты у меня одна», «Все будет хорошо», «Зал ожидания», «Перекресток», «Подари мне лунный свет»... Посмотрев несколько их фильмов, ты уже знаешь, что и в новой истории Астрахан обязательно все так устроит, что все судьбы переплетутся и все наконец и непременно случится, сбудется, произойдет. И мы будем поражены, даже если и скажем: «Нет, в жизни так не бывает». Именно этот упрек в адрес Астрахана регулярно доносится из лагеря критиков. «Смешно, что при этом они выходят из зала, украдкой вытирая слезы, но упорно повторяют: «Нет, это не искусство», – говорит режиссер с улыбкой.

– Вас иногда упрекают в том, что вы рассказываете неправдоподобные истории, показываете нереальные страсти...

– Кто упрекает?

– Я знаю, что вы называете их «враги народа», – критики.

– Вот именно... (Хохочет.) Не все, конечно. Но многие из них не любят и не уважают людей, сидящих в зале, относятся к ним как к быдлу. Я слышал фразу одного такого товарища: «Не могу смотреть спектакль с публикой, она мне мешает».

Мама дорогая! Что же это такое? Они констатируют наш успех, но говорят о примитиве, утверждая, что именно такое искусство нравится публике. Откуда такое неуважение к людям? Им бы попробовать лучше во всем разобраться, предположить, что, может, публика не так глупа. И не глупы ли они сами? И вообще – интеллигентный ли ты человек, если считаешь свое мнение непререкаемым? Но спорить с критиками, как Чехов говорил, все равно что черта за хвост дергать. Просто стоит разобраться, кто в нашем деле лишний. Для критика, совершенно ясно, лишний – зритель.

– Вы верите в то, что искусство может реально повлиять на жизнь людей, сидящих в зале?

– Да, бесспорно. И я имею массу тому примеров. Это вообще хороший критерий для оценки произведения. Я

